

ЛЕНИНГРАД. (От яаш. корр.). Научно-исследовательский Институт литературы Академии Наук СССР С. Рейсер подготовил к печати двухтомное собрание писем великого русского поэта Н. А. Некрасова.

Новое издание включает 1.235 писем, 65 адресатам. 350 писем публикуются впервые. Среди них неизвестные ранее письма поэта к его сестре, Добролюбову, Алексею Жемчужникову, В. П. Боткину, критику и журналисту Дружинину и певцу.

У премьер-министра Македонии

От специального корреспондента
«Литературной газеты»

Ровно два года назад мы впервые посетили этот дом. Широкая лестница, покрытая мягкой красной дорожкой, ведет на второй этаж. Массивная дверь с табличкой: «Шеф кабинета». В просторной прихожей за столом сидят средних лет чиновники. Он поднимается нам навстречу, предлагает раздеться. Потом он открывает большую дверь, и мы проходим в кабинет премьер-министра Народной республики Македонии.

Большая, хорошо обставленная комната. Стены и потолок отделаны резным дубом. На окнах легкие тюлевые занавески. Пол устлан большим многоцветным ковром. Премьер-министр встречает нас радушно. Мы усаживаемся за круглым столом, стоящим посредине кабинета. Это вторая наша встреча. Премьер держит себя с той же простотой и сердечностью.

— Како е, другови? — обращается к нам Колинчевский.
— Добро, друже Колинчевский! — отвечает мой спутник, и я вспоминаю, что и тогда наша беседа началась такими же словами.

...Лазар Колинчевский — один из той славной плеяды воспитанных Тито молодых революционеров Югославии, которые выросли и закалялись в подполье во времена господства королевской фашистской клики.

Колинчевский родился в 1914 году в семье македонского пастуха. Он рано остался без родителей. Дальние родственники определили его в сиротский приют в городе Битоле. Ему и его сверстникам в этом заведении всеми способами билили в голову одну мысль:

— Македония не существовала, не существует и никогда не будет существовать. Есть Южная Сербия. Сербия — государство, македонцы — работники. Так было, так есть, так будет вовеки.

Юный Лазо учился прилежно. Он успешно окончил четыре класса сербской школы, а потом ушел в Сербия искать счастья. В городе Крагуевац он поступил в ремесленное училище при военном заводе. Работая там, он вскоре понял, что не все сербы — господа. Он увидел подпольных сербов-работчиков, в поте лица добывавших кусок хлеба. Тогда, еще юношей, он понял, что нет на свете дела более святого, чем борьба за освобождение угнетенного народа. В училище Лазо вступил в негласную комсомольскую организацию.

Прошло три года. Лазо окончил ремесленное училище и поступил на военный завод слесарем. Рабочие избрали его руководителем своей профсоюзной организации.

В это время Колинчевский знакомится с трудностями избранного им пути: его трамваи арестовывают. Но преследования не сломили воли молодого революционера, и он продолжал смело призывать рабочих к борьбе за свободу. Его избирают организационным секретарем окружного коммунистического комитета. А после оккупации страны гитлеровцами ПБ компартии Югославии направляет Лазара Колинчевского в Македонию. Там он в скором времени становится во главе коммунистической организации.

То был самый напряженный и опасный период в жизни Колинчевского. Он создает военные комитеты в городах и селах, формирует партизанские отряды в горах, готовит вооруженное восстание против захватчиков.

Но у молодых революционеров не было достаточного конспиративного опыта. Фашисты раскрыли коммунистическую организацию в городе Охрид и арестовали пятнадцать коммунистов. Врагам удалось также завладеть на след Колинчевского и арестовать его.

Мужественно переносил Лазар Колинчевский издевательства и пытки. Он остался тверд и непреклонен. Фашисты приговорили его к смерти, но с исполнением приговора не спешили. Пятнадцать месяцев пролежал он в камере смертников — и не слезался.

Стойкость Лазара победила: казнь была заменена пожизненной каторгой. Фашисты

опасались, что казнь Колинчевского вызовет особенно страшный для них взрыв гнева со стороны македонского народа. В лагере обреченных на фашистскую каторгу Колинчевский создал коммунистическую организацию, которая стала пропагандистской свободомыслия среди заключенных.

Советская Армия освободила узников-антифашистов. В сентябре 1945 года Лазар Колинчевский вернулся на родину и волею народа стал премьер-министром Народной республики Македонии.

В народном правительстве Македонии и в народных комитетах округов, городов и сел сейчас много молодых борцов-коммунистов, которые в годы войны с фашистами показали себя подлинными и бесстрашными защитниками интересов народа. Теперь они с не меньшей энергией овладевают искусством управления государством и за два с лишним года многого успели достигнуть.

— Может показаться чудом, — говорит нам премьер-министр, — что Македония, где еще до недавнего времени процветал феодальный гнет и средневековое рабство, сегодня в братском содружестве с другими народами Югославии строит народное демократическое государство. Но это так. Война и победа пробудили силы народа, пробудили в нем жажду трудовых подвигов. Наш народ трудится честно и самоотверженно. Конечно, нам приходится нелегко. Мы этого не скрываем. Но все же справляемся. Мы успешно справляемся с задачей строительства того, что нас многому учит богатый тридцатилетний опыт народов Советского Союза, построенных социализм, потому что нами руководит маршал Тито — человек, который сплотил наши народы в борьбе против общего врага, объединял их в стремлении к дружбе и братству.

В Македонии разрабатывают и проводят в жизнь пятилетний план развития народного хозяйства. Первый год пятилетки — 1947 год — закончился успешно. Это относится к таким отраслям экономики, как промышленность, транспорт, сельское хозяйство, торговля.

В старой Македонии были всего две электростанции общей мощностью около шести тысяч киловатт. Теперь строятся еще две крупные гидроэлектростанции на пятнадцать тысяч киловатт. Кроме того, в течение пяти лет будет создана широкая сеть малых электростанций, и яркий свет озарит не только города, но и села республики.

До войны в горнорудной промышленности Македонии безраздельно господствовал английский, французский и немецкий капитал. Все рудники, где добывались хром, свинец и марганец, принадлежали иностранцам. Руду увозили из страны за границу, перерабатывали там и потом продавали македонцам металлы по баснословным ценам. Теперь эта промышленность перешла в собственность государства. Добыча хромовой руды, свинца и марганца увеличилась вдвое.

В настоящее время в республике сооружаются четыре металлургических завода, табачный комбинат в Скопье, цементный завод. Пущены три новых кирпичных завода. Начато строительство нескольких предприятий по переработке фруктов и овощей. Этот перечень новостроек пятилетки можно было бы продолжать.

— Страна принимает новый облик, — говорит Лазар Колинчевский. — Раньше, в старой Македонии, в каждом районе была одна начальная школа. Теперь в каждом селе построена или же строится своя начальная школа, в районных центрах и крупных селах открыты гимназии и прогимназии.

В кабинет входит заместитель премьер-министра Македонии Любче Арсов. Молодой македонец, он проявил себя как бесстрашный революционер в борьбе с фашизмом. Мы здороваемся, и Любче Арсов,

усевшись рядом с премьер-министром, принимает участие в беседе.

— Македония прежде всего крестьянская страна, — продолжает Колинчевский. — Это страна пока все еще отсталого сельского хозяйства. Рано — деревенская соха — до самого последнего времени была основным сельскохозяйственным орудием. Сотни и тысячи безземельных крестьян, работая на кулаков и помещиков, владели жалким существованием.

Аграрная реформа, осуществленная правительством республики, резко изменила положение македонского крестьянства.

— Теперь у нас в республике нет ни одного безземельного крестьянина, — с гордостью замечает Любче Арсов.

— Совершенно верно, — подтверждает премьер-министр. — Это одно из самых крупных завоеваний народной демократии. Проведение аграрной реформы не ограничивается передачей помещичьих земель крестьянам. Государство проводит экономическое районирование, пропагандирует передовую агротехнику. Оно помогает крестьянским хозяйствам горных районов переселиться в плодородные долины.

Передовое крестьянство объединяется в сельские трудовые коллективы — задруги. Объединенными силами бедняцкие и середняцкие хозяйства лучше и быстрее обрабатывают посевы, собирают с полей более высокий урожай. В начале 1948 года в Македонии было сто тысяч крестьянских сельскохозяйственных задруг, которые объединили около двух тысяч крестьянских хозяйств. Задруги располагают посевной площадью в пятнадцать тысяч гектаров.

— Благодаря всему этому созданы условия для механизации сельского хозяйства. За 1947 год восемь машинно-тракторных станций, организованных в Македонии, обработали тридцать пять тысяч гектаров. Государство предоставило задругам крестьянским хозяйствам значительное количество инвентаря: плугов, сенокос, жаток, молотилок.

— Интересно, — замечает Любче Арсов, — что все македонские помещики имели только девять тракторов, а у нас сейчас — двести девятнадцать!

В долине Македонии растет прекрасный табак. Крестьянство любовно возделывает эту важную для страны культуру. Продукция табака за последние годы во много раз увеличилась. Крестьяне, выращивающие табак, получили в 1947 году один миллиард триста пятьдесят миллионов динаров дохода. О таких суммах раньше они и мечтать не могли.

— Пятилетний план, — говорит премьер-министр, — предусматривает дальнейшее развитие сельского хозяйства Македонии. К концу пятилетки мы будем иметь передовое сельское хозяйство в достаточной степени механизированное, которое не только обеспечит страну необходимыми продуктами, но и даст большое количество товарных излишков технических и продовольственных культур.

Премьер-министр и его заместитель приводят новые и новые цифры, свидетельствующие об успехах, достигнутых страной. В этих цифрах — труд и пот свободного народа, ставшего, наконец, свободным и независимым.

Когда мы прощаемся с гостеприимными хозяевами, Лазар Колинчевский с глубоким, искренним чувством говорит:

— В наших сердцах, в сердце каждого македонца и каждой македонки, живет одно горячее желание: чтобы товарищ Сталин, которого мы любим, как отца родного, был бы здоров долгие годы. Что касается Македонии, то она и впредь будет преданной делу защиты справедливого мира и никогда не свернет с пути, по которому она идет сейчас. Как свяшенную клятву, мы произносим слова — мир, демократия, социализм!

Теплый, ясный вечер. На высоком мосту, переброшенном через шумную реку Вардар, горят электрические огни. Они ярко освещают Скопье — столицу Македонии — страны, где строится новое, демократическое, счастливое общество.

СКОПЬЕ. Ф. НАСЕДИКИН

— Гарри, не находишь ли ты, что настала пора окрасить Белый дом в коричневый цвет?

Факты без комментариев

ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ МАКАРТУРА

В Токио на квартире бывшего министра путей сообщения Танака были обнаружены большие запасы сахара, масла, виски и других продуктов, которые постепенно перепродавались по спекулятивным ценам на черном рынке. Танака подвергался «политической чистке» в 1946 году и прошел ее беспрятно.

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Американские богачи тратят бешеные деньги на своих комнатных собак. Для них заказывают специальную мебель, дорогую посуду, изысканные одежды, надевают золотые коронки на зубы, украшают собак драгоценностями. В собачьих парикмахерских четвероногим клиентам делают маникюр, красят шерсть в необыкновенные цвета. Большие деньги зарабатывают художники, специализирующиеся на собачьих портретах. В 1943 году, в разгар войны, американскими богачами было истреблено 7 миллионов долларов на уход за собаками, 3 миллиона долларов на драгоценные ошейники, игрушки и духи и 10 миллионов долларов на особую собачью гастрономию.

«ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО»

В США прибыл известный английский киноман Джеральд Мэсон, следующий образом охарактеризованный журналом «Американ мэгэзин»: «Это — человек, которого зрители на обоих берегах Атлантического океана обожают за то, что он с утонченной жестокостью мучает на экране женщин, изображая то садиста-любовника, то сумасшедшего мужа, то зверя-опекуна невинной девушки...»

Приезд Мэсона, зарабатывающего миллион долларов в год, явился в США сенсацией. Толпы его «поклонников» бросились к нему, чтобы заполучить автограф. Одной из них он заявил: «Я люблю, чтобы женщины целовали мне руку, когда я их вижу...»

ЗВЕРИ И ЛЮДИ

Как сообщает газета «Трибун де насон», муниципальный советник штата Джорджия — Атланты заявил, что «звери в городском зоологическом саду находятся в лучших санитарных условиях, чем 162 тыс. жителей города, которые из-за бедности вынуждены жить в ночлежных домах Атланты».

НОВОЕ «СВОЙСТВО» АТОМНОЙ БОМБЫ

Побывав в Японии, лейтенант медико-санитарного корпуса вооруженных сил США Р. В. Берлин сделал ряд «открытий». Он установил, что 80 проц. японских «дзэн-герлов» и знаменитых гейш дают положительную реакцию на сифилис. Затем он узнал, что больных можно оперировать скверным тупым инструментом и «лечить» весьма сомнительными лекарствами, а то и вовсе обходиться без медикаментов. Но самое поразительное открытие медина Р. В. Берлина относится к области влияния на мирных жителей Японии атомных бомб. Единственной реакцией подвергшихся «обстрелу» является восхищение великолепием ожесточения, ни горя, ни боли, что, увы, не «бесечно» рассказывает о времени, а даже шутит по его поводу.

Именно так и сообщает об этом своем «открытии» Р. В. Берлин в большой статье в журнале «The Scientific Monthly» (№ 1, 1947 г.).

КУЛЬТ РЕВОЛЬВЕРА

В США около 3.000 человек ежегодно гибнет из-за неосторожного обращения с оружием, — сообщает журнал «Mechanic Illustrated» (№ 8, 1947 г.). Около 30 проц. всех смертельных несчастных случаев в домашней обстановке — результат нежелательного выстрела, говорит статистика 1944 года.

Заблывшись от восторга, различные авторы на страницах популярных журналов рассказывают о подвигах «смертельной револьвера» — сыщиков, стреляющих без промаха, стоя на голове, скитаясь по ступеням лестниц. На подростков с вооружением, расплывшимся чтецом детективных романов, этот культ револьвера действует с огромной силой. Лет в пятнадцать мальчик уже осуществляет мечту и повсюду ходит с каким-нибудь усовершенствованным оружием в кармане — в США стать владельцем револьвера или пистолета — пустяковое дело. Культ оружия не встречает реального осуждения, и понятно, почему — это увлечение на руку фабрикантам оружия и проповедникам войны.

И. ЗВАВИЧ

Убийство Ганди

На 79-м году жизни убит Ганди.

Вот краткое то, что мы знаем об обстоятельствах этого убийства. Ганди встречался в Дели многочисленная толпа приверженцев. Все расступились перед ним. Люди сложили руки в молчаливом приветствии. Скрытый в толпе, ждал убийца. Он сложил руки, как все, но зажал в них револьвер. Когда Ганди приблизился, убийца произвел в него несколько выстрелов, и Ганди упал, обливаясь кровью. Арестованный убийца назвал себя Натхурам Виняйяк Годе и сказал, что чувствует себя отлично, ибо выполнил свое намерение. «Бесмысленное преступление фанатика», — кричит английский и американская буржуазная печать.

Нет! Убийство Ганди имеет свой смысл, оно, несомненно, кое-кому выгодно; оно совершено с определенной целью. В голосе Ганди прислушались миллионы массы угнетенного индийского народа. Ганди завоевал моральный авторитет, как защитник одной, независимой Индии.

Его методы борьбы не разделялись революционными демократами всего мира: Ганди не понимал, что коварного и жестокого врага не проймешь хорошим словом; Ганди пытался отвечать непротивлением на насилие. Но авторитет свой Ганди использовал в последнее время для того, чтобы воспрепятствовать междоусобице войне, искусственно разжигаемой британскими империалистами в Индии и его верными агентами — Эттан и Бенином.

За свою долгую жизнь Ганди пришлось испытать немало разочарований. В молодости он учился в Англии, получив адвокатский диплом, относился с уважением к британской конституции, британскому суду, британским обещаниям. Он даже получил британский орден и затем — в 1919 году — отослал его назад, как знак отчаяния, дарованный палачами индийского народа.

В первый раз Ганди вступил в борьбу с угнетателями индийского народа во время пребывания в Южной Африке. Ганди решительно протестовал против расовой дискриминации, которую уже тогда систематически проводили хозяева Южной Африки — капиталисты англичане и буры. Противником Ганди в Южной Африке был Ян Сметс, в то время министр, теперь глава правительства доминиона и фельдмаршал.

Между 1908 и 1913 годами Ганди в Южной Африке восемь раз был заключен в тюрьму. Теперь, в либеральном обществе, присланном из Капштауна, Сметс расписывается по всемерному уважению к памяти убитого. Тогда Сметс и его политические сдвинули все, что было в их силах, чтобы умертвить Ганди. Они сажали его за тюремную решетку, где содержались уголовные преступники и где люди умирали, не вызывая ни у кого удивления своей смертью. таковы были чудовищные условия заключения. Но Ганди выдержал все испытания. В те годы он еще полагал, что в расовой дискриминации повинны только хозяева Южной Африки, а британские власти в метрополии будто бы не сочувствуют несправедливости.

В 1914—1919 годах Ганди сотрудничал с британским имперским правительством. Но уже в 1919 году Ганди пришлось убедиться в своей ошибке: индийский народ был угнетен, оскорблен, унижен и беда именно по вине британского империализма, а не по чьей-либо иной. Когда Ганди узнал, что нельзя верить ни одному слову, ни одному обещанию британских деятелей, он назвал британскую колониальную систему сатанинской. Отныне Ганди вел свою борьбу с империализмом против британского империализма.

За 25 лет, между 1919 и 1944 годами, Ганди был арестован и содержался в различных местах заключения восемь раз, в том числе два раза по два года; в последний раз его арестовали в тюрьме в 1942 году, когда ему уже было за семьдесят лет. Несмотря на все усилия империалистов, Ганди не удалось морально убить тем испытанным методом, каким в Индии достаточно часто устраивали борцов за свободу, — посредством содержания в индийской тюрьме. Это был человек сильной воли.

Ганди не сомневался в конечном успехе индийского национально-освободительного движения. Он решительно отрицал право британских империалистов управлять Индией и эксплуатировать ее. Он научился реально оценивать обещания и посулы английских колонизаторов. Во время выборов 1946 года в Англии, когда лейбористы империалистически провозгласили свое намерение выполнять данное Индии в 1942 году Брислом и Черчиллем обещание предоставить ей независимость, — Ганди отправил телеграмму одному — единственному! — кандидату о пожелании успеха.

Этим кандидатом был коммунист Нани Датт. Ганди писал, что только от британских коммунистов можно ожидать честного отношения к требованиям независимости, исходящим от индийского народа, и действительного удовлетворения этих требований.

Английский план расчленения Индии имел своей задачей не допустить предоставления ей подлинной независимости. Расчленение Индии на два доминиона и множество княжеств, противопоставляла друг другу племена, народности, религиозные убеждения, кастовые и иные предрассудки, британские империалисты высказывали надежду, что такая «независимость» приведет к кровавым беспорядкам и послужит доказательством того, что индийские народы сами не могут управлять своей страной. Чернулла откровенно говорил об этом в палате общин: Вилер-брук осмеливается утверждать, что даже теперь, спустя два дня после убийства Ганди.

Смерть Ганди была нужна британским империалистам, как доказательство их «правоты», они рассчитывали использовать ее для дальнейшего разжигания междоусобицы. Прогрессивная печать разных стран не без основания высказывает предположение, что руки убийцы направляла британская разведка Интеллидженс сервис. Итальянская газета «Униат» писала: «Интеллидженс сервис знает свое ремесло. Всем хорошо известно, что там, где действуют силы империализма, там летят кровь, совершаются убийства, организованы провокации».

Терять над свежим трупом Ганди коммунисту фарисея. Социал-империалист Морган Финлиш осмеливается утверждать, что лейбористская партия исполняет пожелания Ганди, когда приняла план раздела Индии. Но ведь нельзя забыть, что Эттан, Бенин и Брислос были членами того кабинета, который держал Ганди в заключении. И нельзя также привести ни одного высказывания Ганди в пользу лейбористского варианта империализма.

Леон Блюм не уступает Финлишу; он заявляет, что у него с Ганди «общий идеал». Этот «идеал» позволяет Блюму и его партии, находясь в правительстве, заточить в тюрьму председателя вьетнамской делегации в Париже и послать войска для усмирения Мадагаскара. Блюм и Финлиш хотят закопаться в деятельность Ганди — его борьбу против империализма.

Смерть Ганди — большая потеря для индийского народа. Лучшие люди Индии сходятся в борьбе против общего врага, против империализма Эттан — Бенина, но желающих считать его стремлением колониальных народов к свободе и независимости.

ТАКАЯ ЛИТЕРАТУРА НЕПОБЕДИМА!

Федор КЕЛЬИН

И в эмиграции, и во франкистском подполье испанские писатели продолжали борьбу с тиранией Франко. Своими творческими работами они содействовали подъему художественной жизни Латинской Америки, где — главным образом, в Мексике и Аргентине, — и живут сейчас испанские литераторы. В самой Испании они создали ряд подпольных газет и журналов («Демократ», «Наше время» и другие) и свой «Союз свободных интеллигентов».

Гром великой Сталинградской битвы поднял испанских писателей-антифашистов новые силы, укрепил их веру в победу над фашизмом и франкистским режимом. После 1942 года появилось особенно много талантливых произведений. Здесь и стихи, и проза, и драмы Рафаэля Альберти, Педро Гарфиаса, Сесара М. Аркоаля, Хосе Бергамини, Леона Феане, Марии Тересы Леон, Мануэла Д. Бенавидеса, Александры Касони, Антонио Апариско, Хосе Эррере Петере, Артуро Серрано Пиха, Мануэла Альталиппре, Хуана Рехано, Клемента Сморры и многих других. Любимо к своему народу, верой в близость победы, ненавистью к фашизму и горячим симпатиями к великому другу демократической Испании — Советскому Союзу проникнуты их произведения.

Для того чтобы дать читателю представление о том духе борьбы, каким живет сейчас литература демократической Испании, коротко расскажем о трех недавно вышедших испанских книгах.

Поэт Антонио Апариско во время войны в Испании был «культурным делега-

том» дивизии Камасино. В сражении при Мараноне он был тяжело ранен. После поражения Республики Апариско эмигрировал в Латинскую Америку, где написал замечательные стихи об Испании и о Великой Отечественной войне советского народа. Особенно известностью пользуются его «Синет первому нашему советскому бойцу», «Рубен Руис Ибаррун» и «Привет Советской Армии». В недавно выпущенной сборнике стихов Апариско мы находим большой цикл «Дыхание вечное Свободы...» Основным героем этого цикла, как, впрочем, и всей книги, является испанский солдат освободительной войны, вышедший партизан.

Осенью 1946 года чилийские власти едва не выдали франкистам Апариско, написавшего обличительную книгу о мировом фашизме. Тогда его спасло вмешательство переловой общности Латинской Америки. В октябре прошлого года Антонио Апариско был снова арестован располагавшейся чилийской реакцией, не выходящей этого прекрасного поэта за его боевые стихи, «которые пользуются огромной популярностью у трудящихся в странах испанского языка».

Товарищ поэт Апариско по оружию в годы освободительной войны Хосе Эррере Петере, бывший редактор газеты 5-го Мадридского полка в 5-го корпуса генерала Листер, издал в Мексике большую повесть «Вершины Эстремадуры». Повесть эта в первоначальном варианте была написана им еще в Испании, но теперь переделана и снабжена эпилогом, рассказывающим о судьбе героев в наши дни. Писатель рисует жизнь партизан и беженцев разрозненной франкистами деревни Сан-Висенте-Алькантара в горах Эстремадуры. Главным героем повести — эстремадурский крестьянин партизан Бозмудо — гибнет. Он умирает

после страшных пыток, с презрением отвергая предложение франкистов выдать товарищей и этим спасти свою жизнь. Подвигает, как подлинный боец за свободу.

В драме «Молодая партизанка» Хосе Бергамини рассказана история совсем юной девушки, которую даже зовут «Ян Ишья» — «девочка», «ребенок». Ян Ишья замечает убитого фашистами партизана, становится командиром отряда, совершает подвиги и гибнет в обстановке, валоупавшей гибели Бозмудо. Драма, или, точнее, драматическая поэма Бергамини, большого друга Советского Союза, создающая, по признанию автора, под вдохновляющим влиянием сестатого образа Зои Космодемьянской. Написанная прозой и прекрасными народными стихами, она глубоко поэтична и производит огромное впечатление.

Тщетно слезится Франко, посягая ранку в рядах передовых испанских писателей, переманивая на свою сторону хотя бы одного из крупных представителей республиканской литературы. Даже престарелые деятели испанской науки и искусства, вроде знаменитого филолога Мануэла де Фаллы (умер в Аргентине в 1946 г.) и известного гитариста Пилардо Рино Рутера (умер там же годом раньше), которых Франко в интересах своего престижа пытался заманить в «Голубую пинерию», предпочли смерть на чужбине позорной ссылке с фашизмом.

На лицемерные призывания Франко передовое испанское искусство ответило устами драматурга Александры Касони: «Нашадевет Франко всеми силами души нас заставлял перестать думать, перестать жить. Наша этика и в то же время этика нашего народа! Франко олицетворяет собою измену нашему историческому ду-

ху; он — грубейшее отрицание всякого чувства гражданского достоинства, непримиримый враг подлинной свободы. Это человек, потоками проливающей кровь вверя и стремящийся отравить сегодня кровь нового, грядущего дня. С таким человеком, с таким строем для нас невозможно никакое сотрудничество».

Писатели борющейся Испании в основной своей массе идут по тому же пути, каким шел видный испанский прозаик Мануэла Д. Бенавидес. Писатель, известный в Советском Союзе по роману-памфлету «Последний шират Средиземного моря», во время освободительной войны в Испании принадлежал к социалистам. В 1946 году он вступил в компартию Бенавидес, умерший в октябре 1947 года в Мексике, уже будучи тяжело больным, неустойчиво собирав материалы для задуманного из пыла романов об освободительной войне. «И хоч», — говорил он — вернуться в Испанию с подлинной книгой, которые помогли бы моему народу вспомнить о совершенных им великих делах и понять, кто его враги и где его будущее...»

Нам хочется закончить эту статью строками, знаменитыми из вольной статьи о гениальном сыне Испании Мигеле де Сервантесе, опубликованной в газете «Мундо обсерво» (№ 92 от 13 ноября 1947 года):
«Да! Существует одна непрерывная линия от инквизитора Токмака до палача Франко. И такая же непрерывная линия идет от Сервантеса к Лорке и Мачадо и к тем испанским писателям, которые в наши дни, подобно Сервантесу, являются писателями-реалистами и стоят на стороне своего народа, потому что сами прошли через огонь боев, изгнание и тюрьму. Такая литература непобедима!»

Пусть забьется горячее сердце!

Письмо ленинградских писателей Министерству просвещения РСФСР

«Литературная газета» (№ 66, 1947 г.) поставила ряд вопросов, связанных с существующими недостатками в преподавании литературы в средней школе. Советские писатели, проводящие на днях президентский Ленинградского отделения Союза советских писателей совместно с литературоведами, учителями и методистами Ленинграда, показали, что речь идет о коренных и принципиальных изменениях в системе преподавания литературы.

Взять хотя бы 5—7-е классы, в которых завершается обучение в неполной средней школе. Достаточно взглянуть на программы этих классов, чтобы убедиться, как мало места уделяется в них советской литературе. Наша советская литература имеет весьма важное значение в формировании мировоззрения учащегося с того момента, когда школьник становится читателем. Однако стоит раскрыть хрестоматию для начальной школы, как сразу же бросается в глаза ряд таких «стихов», которыми более уместно было бы пользоваться в отделе литературных пародий «Бродячих», чем фигурировать в школьной хрестоматии в качестве образцов поэзии. И в то же время подлинно художественные произведения советских писателей в этих хрестоматиях использованы очень мало. На уроках литературного чтения в младших классах детям ничего не говорится о произведениях в целом и его авторе, не раскрывается идейное содержание и художественное значение произведения. В результате ученик приходит в 5-й класс, где по программе начинается изучение литературы, овладевая только лишь техникой процесса чтения. Это происходит еще и потому, что учитель начальной школы бессмысленно дает что-либо большее, так как он сам недостаточно подготовлен. В педагогических училищах, готовящих учителей начальной школы, на

общую литературу отводится меньше часов, чем... в десятилетке! Даже сейчас, когда педагогические училища переходят на 4-годичное обучение (с 3-годичного), за все четыре года литературе отводится 335 часов, тогда как в десятилетке — 396 часов.

Следовательно, было бы неверно, если бы Министерство просвещения ограничилось только пересмотром программ старших классов. Невомненно, речь должна идти о пересмотре и изменении всей программы. Школа не занимается воспитанием у наших учащихся способности к правдивому, восприимчивому произведению искусства, не предупреждает возможности воздействия на нашу молодежь пошлых, безидейных произведений. Как это ни удивительно, но до сих пор в школьных программах старших классов нет материала по марксистско-ленинской теории литературы и искусства. Более того, те элементы теории литературы, которые в программах имелись, в 1946 году были уменьшены в своем объеме.

В статье писателя Н. Погодина «Нет, не было горячее сердце!», напечатанной в «Литературной газете» (№ 66), правдиво говорилось о коренных недостатках и ошибках учебника «Русская литература» для 8-го класса средней школы, составленного Н. Погодиным, П. Шабловским и А. Бернштейном. Еще хуже обстояло дело с учебником Л. Тимофеева «Современная литература». Как известно, этот учебник в 1946 году был подвергнут серьезной критике за грубые идейные ошибки и недостатки. Но вот Учительский институт новое, «исправленное» издание учебника. Обсуждение показало, что

учебник попрежнему содержит множество ошибок и ничего не удовлетворяет.

На совещании был поставлен вопрос о самостоятельной работе учителей по повышению своей квалификации. Эта работа идет без должной помощи органов, призванных содействовать делу народного просвещения. Каждый учитель подтвердит, что получаемые им указания по методике преподавания литературы не только не стимулируют возросшую инициативу преподавателя, а носят чаще всего догматический характер, мешают проявлению индивидуальности педагога, сковывают его.

Какие научные пособия в помощь преподавателям литературы даю за последние годы Министерство просвещения? Что сделано для того, чтобы помочь учителю преподавать не изжитую еще схоластику в преподавании литературы, покончить с «перевыбыванием» литературных произведений, со штампом, превращающим полнокровное художественное произведение в сумму характеристик отдельных «типов»? Что сделано для того, чтобы держать учителя в курсе всех достижений современной советской науки о литературе?

Мы далеко не исчерпали всех вопросов, относящихся к преподаванию родной литературы в школе. Не коснулись мы, в частности, работы литературных факультетов средних педагогических и учительских институтов, необходимости последовательной школы со стороны научных учреждений.

Ленинградские писатели, включившись в борьбу за перестройку преподавания литературы, хотят помочь тому, чтобы советская литература активно служила великому делу коммунистического воспитания нашей молодежи.

А. Прохоров, Ю. Гарман, В. Павлова, Б. Чирков, Б. Мейлах, О. Берггольц, Л. Рахманов, З. Грим, Г. Гуковский, В. Дружин, А. Доминьян, Л. Плоткин.

Любить, понимать и знать советскую литературу

Обзор писем читателей

Выступление «Литературной газеты» о преподавании родной литературы в школе нашло живой отклик среди широких читательских кругов. Редакция получила большое количество писем из различных городов и сел нашей страны.

«Мы, будущие педагоги, являемся тем, кому партия и правительство поручили почетную и ответственную задачу воспитания нашей молодежи, — пишут студенты литературного факультета Мелитопольского Государственного педагогического института тт. Гавриленко, Васюлин, Циганова, Кель, Еспенко, Сергеев и другие. — В нашем учебном плане советской литературе отведено всего сорок часов. Говорят, что посылать в школу, что похуже, но в посылать. Что же мы можем «пожалеть» в течение сорока часов, которые товарищи из министерства великодушно пожаловали советской литературе? Что будем мы потом «сеять» в школе? Кого мы будем воспитывать из наших учеников? Мы хотим воспитывать из них Власовых, Корчагиных, Матросовых, Босомедельских, Чайкиных, Мересевых. Мы хотим воспитывать из них настоящих советских людей, молодую гвардию коммунизма. Мы любим и изучаем Шекспира, Данте, Сервантеса, Вольтера, Руссо, Гете, Байрона, Гейне, Бальзака. Но мы — прежде всего — члены социалистического общества, мы — дети своей эпохи, и мы хотим лучше, полнее и глубже знать литературу нашего времени, советскую литературу».

Во многих письмах говорится о недостатках преподавания русской литературы в средней школе, о серьезных пороках школьных учебников по литературе.

«Мы поддерживаем требование Н. Погодина о пересмотре учебника для 8-го класса. В средней школе преподавание советской литературы должно занять ведущее место, — пишет группа студентов Ленинградского электротехнического института — тт. Попов, Сыроженко и другие. — В учебнике Л. Тимофеева «Современная литература» автор уделяет всей огромной и многообразной советской литературе, созданной за тридцать последних лет, примерно такое же количество страниц, сколько литературе семнадцатого столетия. Это противоречит основным напорочным принципам: дескать,

нет советской литературы, как совершенно нового этапа в развитии русского и мирового искусства; советская литература — всего лишь часть русской литературы XIX века. Совершенно очевидно, что в истории литературы принципиальной границей должна служить Великая Октябрьская социалистическая революция, а не 90-е годы прошлого века».

Студентка Сумского педагогического института Н. Дорошенко справедливо указывает на то, что учебник для 8-го класса из года в год переиздается без учета последних научных и творческих достижений советской литературы. «О чем, как не о формальном, безразличном отношении авторов и издателей учебника и его редактора к порученному им делу, говорит этот факт», — пишет тов. Дорошенко.

Об ошибках хрестоматии «Родная литература» для 6-го класса средней школы сообщает в своем письме А. Крамарен (Буденновский район, Воронежской области). «Составители хрестоматии А. Толстов, П. Шевченко и А. Петропавловская неверно трактуют творчество великого украинского поэта Шевченко, — пишет тов. Крамарен. — В хрестоматии ничего не сказано о связи Шевченко с великими русскими революционерами — демократами Чернышевским и Добролюбовым, с великим русским поэтом-демократом Некрасовым».

С большими трудностями сталкивается молодой учитель, поехавший на работу в сельскую школу.

«В нашем районе две средних школы, в обеих не укомплектованы библиотеки, — пишет преподаватель Волошиной школы Казанец-Подолянский области И. Дуз. — Нет нужных текстов и в районной библиотеке. Поэтому творчество Радина, Гербеля, Чернышевского, Салтыкова-Шчедрова, Толстого изучается в школах или по старым запискам учителя, или в лучшем случае, по хрестоматии. Трудно достать у нас произведения Горького, Маяковского и других советских писателей».

И, да и все сельские учителя, целиком поддерживаем преподавателей московской школы тт. Г. Анитрова и Н. Китаева, выступивших в № 66 «Литературной газеты». Вместе с ними мы обращаемся в Министерство просвещения и в издательство: дайте же школе книгу!

О ХРЕСТОМАТИЯХ И УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ В БЕЛОРУССКОЙ ШКОЛЕ

На днях Центральный Комитет КП(б) Белоруссии рассмотрел статью Р. Някая «Непригодны подручники» («Литература» 1 мая 1947 г.) от 27 сентября 1947 г. и С. Василенко «Фальсификаторы и невежды» («Литературная газета» от 4 октября 1947 г.) и принял правильную оценку хрестоматий и учебных пособий по белорусской литературе, данную в этих статьях.

Центральный Комитет КП(б) Белоруссии отметил, что в этих хрестоматиях и учебных пособиях имеются значительные ошибки идеологического характера. Отдельные хрестоматии (в особенности для VIII класса) составлены таким образом, что история белорусской литературы выкладывается в них, как «единый поток», оторванный от русской литературы, вне классовой борьбы внутри белорусской нации и отражения этой борьбы в белорусской культуре.

В хрестоматии много места отводится антихудожественным и безидейным произведениям, устаревшим неслучайным подбором и сказкам, а также произведениям, содержащим грубо-эротические мотивы. Лучшие же образцы творчества белорусских писателей — Я. Купалы, Якуба Коласа, К. Крапыны и других в сборники не включены.

Учебная литература оторвана от современности, от требований коммунистического воспитания учащихся. В ней мало произведений, отражающих героические подвиги советского народа в Великой Отечественной войне и в период восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. В хрестоматии для VI класса нет даже упоминания о послевоенной сталинской пятилетке.

Центральный Комитет КП(б) Белоруссии образовал комиссию по составлению проекта программы по белорусской литературе для школы и поручил Министерству просвещения БССР подобрать авторский коллектив для составления хрестоматии по белорусской литературе для школы.

Кроме того, Центральный Комитет КП(б) Белоруссии отметил, что Институт литературы, языка и искусства Академии наук БССР (директор т. Борисенко) из года в год не выполняет постановления ЦК КП(б) Белоруссии о создании учебника по истории белорусской литературы для средней школы, и обязал президиум Академии наук БССР и Институт литературы, языка и искусства сдать в печать новый учебник не позднее 15 апреля 1948 года.

С захватывающим интересом читает мы в «Знамени» воспоминания И. Колоса, руководителя подпольной организации в Крыму, рассказывающего о высоком героизме и мужестве советских патриотов, боровшихся в тылу врага. Записки корпусного инженера Н. Степанишина «Первые дни на фронте» и «Записки офицера» Г. Павлажко воскрешают в памяти читателя трудные дни первого этапа войны. О мужестве и силе духа наших моряков говорят записки И. Кирпиченко, в которых с подлинным драматизмом рассказывается о неистощимой борьбе противотопов людей с разъяренными стихиями. Преданность родине, стойкость советского человека в страшных условиях гитлеровской тюрьмы — такова тема «Психологической камеры» С. Дзюбинского.

Почти «Знамя», начавшего широкое опубликование подобного рода произведений, является исключительно важным и ценным. И дело не только в том интересе, который вызывают они у читателей, но в том, что в лице многих из авторов таких записок и мемуаров в нашу литературу вступают новые писатели, не имеющие огромного жизненного опыта, знания, свежести и непосредственности восприятия. Достаточно назвать хотя бы такие

Журнал «Знамя» за год

Спросите постоянного читателя «Знамени», что особенно привлекает его в этом журнале, и он без колебаний ответит: отдал художественный прозм.

Если есть у вас дома комплект «Знамени» за военный и послевоенный период, то лишь несколько отдельных изданий придется вам купить, чтобы иметь у себя на книжной полке лучшие произведения советских прозаиков, появившиеся в эти годы. «Народ бессмертен», «Беломошское шоссе», «Дни и ночи», «Молодая гвардия», «Ночь позковидца», «Люди с чистой совестью», «В окопах Сталинграда», «Спутники» — все эти произведения, вызвавшие горячий интерес широких читательских масс, появившиеся на страницах «Знамени». И дело не только в том, что редакция журнала удалось «закадровать» выдающиеся таланты писателей. Среди авторов перечисленных только что произведений — Березко, Павлова, Некрасов, имена еще недавно совсем не известные читателю. А это говорит о стремлении редакции отыскивать и выдвигать молодых талантливых писателей, продуктивно работать с ними.

Истекший год также не обманул ожиданий читателей. Два бесспорно значительных произведения советской художественной прозы 1947 года появились в «Знамени». Это роман П. Павленко «Счастье» и повесть Э. Казакевича «Звезда». Нет надобности повторять здесь все то, что уже сказано о новом романе Павленко. Не только не вспомнить, еще раз об огромной заслуге писателя, затронувшего в своем последнем произведении важнейшую тему нашей послевоенной жизни и сумевшего в решении ее сочетать заботливость и внимание к будущим поколениям с широтой обобщений и выводов. Счастье, как умение (и неохотная потребность) советского человека слить свою жизнь с жизнью родной страны, невозможность для советского человека найти удовлетворение и покой в мире узко личных интересов и мешанины довольства, — эта тема получила в романе Павленко то правдивое, глубоко волнующее воплощение, о котором хочется сказать словами Маяковского, мечтавшего,

Чтоб из книги через радость глаз от свидетеля счастливого в мускулы усталие лилась строящая и бунтующая сила.

О «Звезде» Э. Казакевича еще не сказано нашей критикой тех слов, которых заслуживает это произведение, открывшее и глубокое произведение, поражающее удивительной задушевностью и человечностью, поэтичное от первого до последнего слова (а рассказывается в нем «веселого-нашего» об одном из рейдов разведчиков в тыл врага). Может быть, и слова здесь нужны необычные, потому что один только анализ замысла и образов не может передать чарующего аромата этой вещи, раскрыть секрет, которым владеет ее автор, умеющий сделать своих героев живыми и дорогими читателю. Автор заставил нас и много времени спустя после прочтения повести скорбеть о гибели молодого, чистого юноши Володи Травкина и его товарищей, черпать в простом и гордом величии их подвига жизненные силы для борьбы за продолжение того дела, которому отдали они свои жизни.

Третье крупное произведение, напечатанное в прошлом году в «Знамени», — роман В. Павловой «Брухалина» — послужило объектом только что закончившейся дискуссии, аксиомы серьезного исследования нового произведения талантливого писательницы. Но при всех недостатках роман В. Павловой представляет собой попытку писателя отразить в художественных образах важнейшую сторону нашей действительности, показать послевоенный трудовой подвиг советских людей, и хочется думать, что эта попытка найдет достойное продолжение в творчестве и самой Павловой и других писателей. Хотелось бы сказать также, что умная и чуткая стилистика делает настоящее, глубокое выводит из той критики, которой был подвергнут роман, представляющий собой все же шаг назад по сравнению со «Спутниками».

«Счастье», «Звезда» — вещи очень разные и по тематике и по стилю. И все же есть в них то общее, что отличает не только эти, но и многие другие произведения послевоенных лет. Как никогда, ощущаем мы в этих произведениях то органическое слияние будничного и романтического, повседневного и героического, которое характеризует самый стиль нашей жизни, нашей эпохи. Может быть, именно это сообщает такой интерес и ценность не только лучшим романам и повестям последних лет, но и тем документальным запискам и воспоминаниям, которых так много появилось после войны.

С захватывающим интересом читает мы в «Знамени» воспоминания И. Колоса, руководителя подпольной организации в Крыму, рассказывающего о высоком героизме и мужестве советских патриотов, боровшихся в тылу врага. Записки корпусного инженера Н. Степанишина «Первые дни на фронте» и «Записки офицера» Г. Павлажко воскрешают в памяти читателя трудные дни первого этапа войны. О мужестве и силе духа наших моряков говорят записки И. Кирпиченко, в которых с подлинным драматизмом рассказывается о неистощимой борьбе противотопов людей с разъяренными стихиями. Преданность родине, стойкость советского человека в страшных условиях гитлеровской тюрьмы — такова тема «Психологической камеры» С. Дзюбинского.

Почти «Знамя», начавшего широкое опубликование подобного рода произведений, является исключительно важным и ценным. И дело не только в том интересе, который вызывают они у читателей, но в том, что в лице многих из авторов таких записок и мемуаров в нашу литературу вступают новые писатели, не имеющие огромного жизненного опыта, знания, свежести и непосредственности восприятия. Достаточно назвать хотя бы такие

Н. КАЛИТИН

произведения, как «Люди с чистой совестью» П. Бернштейна, напечатанные в «Знамени» в 1946 году, или «Подпольный обком действует» А. Федорова («Новый мир», 1947 г.). Но, смело привлекая новых авторов, редакция ни в коей мере не должна устремляться к очень большой и кропотливой работе с ними, иначе большое и важное начинание может не оправдаться собой.

В том, что многие из произведений новых авторов не оказались содержательнее, ярче, чем они могли быть, бесспорно, вина редакции. Сила «Людей с чистой совестью» не только в талантливости автора, но и в том, что при всей документальной достоверности произведение это не только не лишено фактографии; правда отдельных событий и эпизодов осмыслена в нем, как большая историческая правда; в образе реально существовавших и существующих людей автор умеет отнестись типичное, запечатлеть характерные черты борющегося народа. Относится ли это к произведениям, о которых идет речь? Да, относится, но не в такой же степени, и вина за это ложится в первую очередь на редакцию.

В одном из последних обзоров читательских писем, напечатанных в «Знамени», приводятся многочисленные пожелания читателей, обращенные к автору «Сталинградской битвы» Н. Вирте. Авторы этих пожеланий, участники битвы за Сталинград, рассказывают множество интересных эпизодов, свидетелями или участниками которых они были, и просят включить их в сценарий. Каждый из этих эпизодов, повторяя, сам по себе чрезвычайно интересен и показателен, но что было бы, если бы Н. Вирте включил эти эпизоды в свой и без того очень обширный сценарий? Не это ли, по существу, делает редакцию «Знамени», не помогающую значительным авторам отбирать и тщательно взвешивать материал их записок, отбрасывать лишнее и второстепенное, находить в случайном и частном общее и типичное для нашей жизни и наших людей? Автору записок, рассказывающему о том, что было им пережито и пережито, пишущему о бесконечно близких ему людях, все кажется одинаково важным и значительным. Но, излагая это все подряд, он не замечает, как порою за множеством фактов и имен теряется главное, как рядом с явлениями огромного масштаба встают события случайные, мелкие, которые самым своим содержанием снижают ценность и значение основных явлений и процессов. Возьмите хотя бы «Записки офицера» Г. Павлажко, и вы увидите это с полной ясностью. Еще хуже, когда в произведении, повествующем о больших событиях и людях, чуть не целые страницы посвящаются неуместным бытовым подробностям, субъективному отношению, не только не интересным читателю, но порою просто раздражающим его своей неуместностью.

В «Литературной газете» уже отмечались недостатки «Салерно» Н. Степанишина, произведения, в котором автор пытался при помощи чисто внешних «литературных красок» превратить свои воспоминания в повесть, не отделив их от предвзятой оценки многого лишнего, наносного, случайного. И здесь плохую услугу оказала редакция автору, преждевременно «благоговая» его, как законченного писателя.

А всего этого можно было бы избежать, если бы редакция более тщательно работала с автором, стремясь не только давать на своих страницах новые произведения, но и выискивать новых писателей.

Отдельные произведения, печатаемые в журнале под рубрикой записок и воспоминаний, вызывают серьезные возражения. Беглые, расположенные в случайном порядке записки, которые, как правило, натуралистически запечатлевают лишь тот или иной факт, не прошедший сквозь призму художественного восприятия жизни, таит в себе опасность не свойственного советскому писателю объективизма, когда правда факта не только не поднимается до правды жизни, правды истории, но и порою прямо противоречит ей. Ведь не в том обвиняют А. Твардовского, что он в «Родные и чужбинные» выдумал не существующего в действительности бывшего кулака, преданного советской власти, а в том, что этот образ нельзя ставить в один ряд с образами, типичными для нашей действительности: такое «уравнение» означает на деле искажение действительности.

Стремясь к разнообразию и полноте отдачи художественной прозы, редакция старается не оставить ни одного номера журнала без короткого рассказа. И все же с рассказом в «Знамени» (как, впрочем, и в других журналах) дело обстоит неважно. Если не считать цикла превосходных новелл чешского писателя Яна Дра, в журнале за год напечатано всего девять рассказов. Качество их при этом очень неравномерно. Наряду с рассказами, привлекающими искренностью и телотой психологического чувства («Мотыга» В. Матова, «Мохры каменья» А. Гончара, «Новый дом» Ф. Корнелла), в журнале печатаются произведения слабые, нудные, неинтересные. В одних случаях писатель явно недостает умения строить сюжет и отсутствие действия он пытается подменить не всегда убедительными, подчас чрезвычайно элементарными психологическими экскурсами («Пол земли» И. Северцева, «Обвал» Н. Лукина). В других рассказах стремление к внешней остроте заставляет автора насильно вживлять такую правду. Так получилось с рассказом И. Северцева «Снег», в котором только неуместность случайно оказалась в деревне сержанта Красной Армии предвещает избранное в претельствии колхоза «спасенного послевоенная» Калашников, который во время оккупации был старостой. При этом историю Калашников сержант узнает от самих же крестьян, выведенных в рассказе безымянной, инертной массой.

Поэзия и минувшему году была представлена в журнале довольно широко.

Радостно, что в большинстве напечатанных стихотворений рождены образами и животрепещущим духом сегодняшнего дня, проникнуты духом жизнеутверждения, уверенности, бодрости. В них мы не встречаем уже тех пессимистических ноток и просто нытья, которыми пытались копировать на страницах «Знамени» некоторые наши (особенно молодые) поэты еще так недавно.

И все же лишь сравнительно небольшая часть напечатанных в журнале стихотворений поднимается по силе поэтического выражения, искренности чувства и глубине над средним уровнем. Попросит вас назвать те стихотворения на напечатанных в «Знамени» за прошлый год, которые хотелось бы вам перечитать еще раз, сохранив в памяти, прочесть вслух другу, — и многие ли добавите вы к лучшим стихам П. Тихонова и превосходным переводам советских Шекспира, сделанным С. Маршак? Вы назовете, конечно, чудесный «Дом» А. Кулешова. С его такими теплыми, нежными строками, рожденными радостью создания, возрождения жизни на обновленной земле.

Вы вспомните еще стихи М. Максимова, честные и чистые раздумия война, вернувшегося к большой творческой жизни; полное большого и светлого чувства стихотворение М. Ашгер «Это лето», отдельные образы и строфы из сталинградских стихов А. Межирова, но вот и все, пожалуй. Это не значит, что все остальные плохо, но не малая часть этого оставшегося принадлежит к тому разряду стихов, которые могут при чтении даже «поправиться», но забываются так же быстро, как циффы страницы, за которой они напечатаны.

В подборках, посвященных творчеству эстонских и литовских поэтов, молодой поэзии Якутии и Казахстана, многие стихи испорчены переводами. Наряду с хорошими, добросовестными переводами С. Мар, Д. Бродского и других мы встречаем в журнале небрежную, аляповатую зарисовку подстрочников, принадлежащую перу С. Маршак. В. Азарова и, в особенности, П. Шубина. Шубин с ослепительной легкостью переводит и с казахского, и с якутского, и с татарского, позволяя себе при этом такие выпады против всех пор литературного разговора («И у нас, а, что хотел, через песенку оду», «Откопавшись в руслу своему, начался дилемма великого льда»), которые часто лишают всякого смысла переводимые им строки.

В свое время в «Знамени» появились такие значительные произведения советской поэзии, как «Зорь», «Сны», «Василий Теркин», поэмы О. Берггольц, А. Кулешова и других поэтов. В 1947 году поэмы в журнале отсутствуют. «Слово Сталина» А. Софронова, произведение, названное автором повестью, представляет собой скорее цикл отдельных поэтических раздумий, связанных одной общей темой.

Не повезло в прошлом году в «Знамени» очерку. «В стороне от железной дороги» Ю. Нагибина, «Наша Москва» Е. Крыгера и «На реке Воронеж» С. Крыла — вот и все, чем может похвастаться журнал. А о том, как много интересного и важного можно дать читателю в очерке, говорит хотя бы последнее из названных произведений, в котором автор на десяти страницах увлекательно рассказывает и о прошлом Тамбовской области, и о гигантских работах, развернувшихся здесь сегодня, и о людях, вернувшихся с фронта, и о многом другом.

Большое место уделяла в прошлом году редакция «Знамени» публицистике. В этом разделе мы находим ряд содержательных статей, освещающих политическую жизнь Европы и Америки, современное состояние западной культуры, разоблачающих планы поджигателей войны (статьи М. Гуса, Б. Розенфельда, Т. Старикина, М. Толмачева и др.). Очень интересный материал содержится в статье В. Белова «Отец Соика и его хозяин», посвященной памяти писателя-революционера Западной Украины — Александра Гаврилюка и Степана Тудора и, в частности, книге последнего «День отца Соика», в которой раскрывается революционная подлинная деятельность католического духовенства, руководимого папским Римом. К этому же разряду следует отнести и обстоятельные записки советского корреспондента в войсках союзников в Западной Европе В. Крамникова «Второй фронт».

Недостатком этого раздела является полное отсутствие в нем статей, освещающих сегодняшнюю жизнь нашей страны, борьбу советского народа за патристку, статей, затрагивающих вопросы советской этики и морали, и т. д.

В последних решениях ЦК ВКП(б) по вопросам литературы, драматургии и кино особенно резко подчеркивалось недопустимое творческое состояние нашей критики. Что в свете этих решений можно сказать сегодня о критическом отделе журнала? И в критических статьях, и в рецензиях, печатавшихся в журнале, еще много случайного, эмпирического, мало обобщенного, помогающих читателю разобраться не только в явлениях литературы, но и в отражаемых ею явлениях жизни. Самый подбор рецензий не отражает какой-либо ясно выраженной линии, в результате чего, встреча в журнале статьи о многих творческих, случайных фактах нашей литературы, мы не находим в нем разбора отдельных значительных произведений.

Что должны пожелать мы журналу в новом году? Еще более настойчиво продолжать свои лучшие традиции, поражать читателей новыми яркими произведениями, новыми именами талантливых писателей. А вместе с этим усилить свою работу с авторами, больше внимания уделять такому важному жанру, как очерк, больше требовательности проявлять к печатающимся в журнале рассказам и стихам, решительно ускорить перестройку отделов публицистики и критики. В журнале много журналов, — в этом году они сплоск с него еще больше.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 10

8

БЕЗ УДИВЛЕНИЯ И ЛЮБВИ

М. ЧАРНЫЙ

Шестая книжка «Сибирских огней» открывается новой повестью Сергея Сарткова «Плот идет на север». События происходят в наши дни. По мучимым сибирским рекам Ангара и Енисей сплавляют лес. Тысячи километров проплывает плот, пока доходит до далекого северного порта — Игарки.

Сибирский плот — это довольно сложное сооружение, протянувшееся почти на километр в состоянии из десятков тысяч бревен, связанных и скрепленных особым способом. Плот движется силой течения, но преодолеть его воле воли нельзя: можно погнать и лес, и людей, находящихся на нем. Автор рассказывает о споре, мужестве, а подчас и настоящей отваге плотников. Он, поминутно, знает, что ему придется сплавлять, пишет о них уверенно и любовно. Отдельные черты хороших советских людей — трудолюбивых, проникнутых сознанием своего общественного долга — отчетливо выступают в произведении и прежде всего в образе лодчана Есая Маркеловича, его помощника Ирины Даниловны, которая «хорошо в реке разбиралась», дочери лодчана Вари. Диалоги С. Сарткова жизненны и выразительны, красочны пейзажи. Словом, эта повесть могла бы быть хорошей. Но, к сожалению, она такой не стала.

В чем же тут дело?

По всем данным, идейно-художественная суть этой вещи заключается в изображении нового характера советской женщины, необыкновенно возмужавшей в последние годы и проявляющей столько выдержки, таланта и самоотверженности, принявшей в годы войны на свои плечи огромную тяжесть труда и ответственности.

Мы о вас напишем сочинения, Полные любви и удивления.

— сказал Ярослав Смеляков в стихотворении о наших женщинах. Как-то небрежно характера новой советской девушки, умной, решительной, смело идущей навстречу жизни, автор пытается дать в образе Вари. Но он торопливо уходит от этой трудной задачи. Главное место в повести занимает история любви демобилизованного молодого человека Александра К. Варе, в то время как и нему самому явно неравнодушен токующийся Ирина. Таким образом, центр произведения смещается. Разумеется, и в любви может быть выявлен характер. Но в этого не случилось. В характере Ирины Даниловны,

старой женщины, С. Сарткова, следя старым литературным образом, нашел, главным образом, мотивы толпы и покорности. В Варе — больше силы, энергии и требовательности к жизни, но характер ее едва намечен, Александр необыкновенно сер.

Таким образом, в этом произведении о женщинах нет ни настоящих женщин, ни удивления перед ними. Повесть страдает и другими недостатками. Автор многословен, не всегда точен его язык. «Облака вытянулись... филологическим колым», «Какая Вара красива! Он внутренним движением чувствовал это». Очень бедно, затасканными словами говорит автор о любви:

«Варенька!... Ну, да теперь все равно... Саша... она прильнула к нему... Саша, скажи мне хоть ты чего-нибудь».

Он поцеловал ее в голову.

Вара затихла. Сидела молча, все теснее прижимала к Александру. С. Сартков — способный литератор. При более вдумчивом и требовательном отношении к своей работе писатель мог бы создать действительно полноценное и нужное произведение. Очень жаль, что он потропился и спал в журнал явно недоработанную повесть.

Неприступный замок или очаг культуры?

1.

Если вы, проезжая по Украине или по областям черноморского побережья, увидите ночью в степи ярко освещенные фабрики, здания и громадный заводской двор, залитый светом как проспект столицы, то знаете: это сахарный завод. Но стоит вам отъехать километр-два от завода, и в колхозных домах навстречу вам замерцают огнями керосиновых котилков.

Почему же, спросите вы, в новой пятилетке, когда электрификация сельского хозяйства проводится в громадных масштабах и некоторые области уже рапортовали о сплошной электрификации сельского хозяйства, сахарные заводы не дают энергию даже близлежащим колхозам?

На этот вопрос нам сахарники отвечают, что сахарное производство сезонное, оно длится всего три-пять месяцев в году и что по окончании производства завод и его энергоустановка останавливаются на 7—9 месяцев до следующего сезона.

А почему бы не использовать сахарозаводские энергоустановки для электрификации сельского хозяйства, когда сахарные заводы стоят?

Г. Гому, ответьте вам, что на сахарных заводах, как правило, установлены паровые машины и турбины особой конструкции (с противодавлением), которые могут экономно работать только в период сахароварения, когда весь пар используется на производство сахара.

Когда же сахароварение закончено, их останавливают. Но, чтобы не оставался завод без света и электроэнергии, имеются еще дополнительные, вспомогательные электростанции, обычно дизельные.

Представьте себе ясно картину энергохозяйства обычного сахарного завода: можно на примере.

Гинзавский сахарный завод Винницкой области недавно восстановлен. Его производственная энергоустановка состоит из котельной с часовой паропроизводительностью около 50 тонн и силовой станции, оборудованной двумя турбогенераторами с противодавлением — общей мощностью в 2.700 киловатт. Вспомогательная электростанция оборудована тремя дизельными двигателями мощностью 350, 160 и 75 лошадиных сил.

Возле завода прокладывает электросеть, к которой присоединено значительное количество совхозов и колхозов, ряд предприятий местной промышленности и среди них камеразаводы, расположенные в нескольких сотнях метров от сахарного завода. Энергия в электросеть нехватает, и приходится к нему новых потребителей энергии нет возможности. В связи с этим на камеразаводках строятся дизельные электростанции мощностью в несколько сот киловатт. А в это время на Гинзавском заводе бесполезно простаивают громадные мощности.

Действительно ли особенности сахарной промышленности не дают возможности использовать энергоустановки заводов для электрификации сельского хозяйства?

На этот вопрос мы находим ответ в работе инженера П. Ф. Козлова «Использование энергоустановок сахарных заводов для электрификации сельского хозяйства». Автор доказывает, что особенности сахарной промышленности здесь не при чем и что энергоустановки сахарных заводов представляют собою громадный энергетический резерв, который с успехом может быть использован для электрификации колхозов.

2.

Первое предложение инженера Козлова состоит в том, чтобы заставить котельные сахарных заводов работать в течение тех семи-девяти месяцев в году, когда они бесполезно простаивают.

Для этого достаточно на любом заводе установить обычную конденсационную турбину необходимой мощности и направить в нее пар от одного, двух уже существующих котлов. Сахарный завод располагает всем, что требуется для работы та-

Бор. АГАПОВ

кой электростанции, вплоть до опытного обслуживающего персонала.

Такая сезонная электрификация сельского хозяйства себя оправдывает вполне. По-первых, колхозный потребитель будет получать электроэнергию в полной мере в период от самых ранних весенних полевых работ до самых поздних осенних; а во-вторых, затраты на установку конденсационной турбины и на электрические распределительные устройства будут в четыре-пять раз меньше тех затрат, которые пришлось бы сделать при постройке самостоятельной электростанции равной мощности.

В течение трех-пяти месяцев в году обслуживать сельскохозяйственных потребителей могут вспомогательные электростанции.

Второе предложение инженера Козлова — превратить энергоустановки с конденсационными турбинами в постоянно действующие. Для этого на сахарных заводах к уже существующим котлам нужно прибавить по одному котлу с паропроизводительностью, достаточной для питания конденсационной турбины паром. Подобное дооборудование энергоустановок, включая и затраты на конденсационную турбину, будет стоить приблизительно в два раза меньше, чем постройка новых тепловых электростанций, равных по мощности.

Третье предложение инженера Козлова касается тех заводов, которые восстанавливаются или строятся заново. Оно очень простое: на таких заводах следует сразу устанавливать не дизельные станции, а конденсационные турбины, причем рассчитывать их мощность с учетом потребностей и сельских потребителей.

Что касается всего нового энергооборудования, которое в дальнейшем придется устанавливать при расширении сахарных заводов или при замене изношенного, то тут необходимо категорическое решение о том, чтобы оно полностью проектировалось на стандартное давление в 39 атмосфер.

При полной замене устаревшего энергооборудования новым (давлением в 39 атмосфер) на среднем сахарном заводе может быть выработано 1.000—1.200 киловатт избыточной энергии с расходом топлива в три-четыре раза меньшим, нежели на лучшей конденсационной электростанции.

Использование энергоустановок сахарных заводов может явиться базой электрификации сельского хозяйства районов свекловодства на площади в 200 тысяч квадратных километров с населением около 15 миллионов человек. Оно обещает сотни тысяч тонн топлива.

3.

Но на пути осуществления предложенного инженера Козлова стоят работники Главсахара и его институты. Их политика в области энергетики отражена в документах, из которых ясно, что работники Главсахара думают не о применении избытков электроэнергии в сельском хозяйстве, а о... недостатке энергии даже для собственных нужд. Кстати отметить, что работники Главсахара не замечают, что давление в 15 атмосфер, являющееся прогрессивным 35 лет назад, в настоящее время является тормозом для развития сахарной промышленности: так как при таком давлении не хватает энергии для механизации трудоемких работ.

В одном из решений Главсахара говорится: «При наличии к моменту строительства близлежащих сахарных заводов выделенных потребителям энергии и пара проектировать ТЭЦ с учетом этих потребностей».

Из этого видно, что в число «выделенных» Главсахаром потребителей электроэнергии не входят ни близлежащие МТС, ни совхозы, ни колхозы. Все они живут на «выделенных», — им это не требуется, они

ждут электроэнергию, а Главсахар отгораживается от них бюрократическими фразами.

«Строительство в расширение ТЭЦ для снабжения электроэнергией и паром потребителей», — гласит далее один из пунктов этого решения, — должно быть согласовано с Министерством пищевой промышленности и Госпланом».

Это значит, что Главсахар никакой связи между электрификацией сельского хозяйства и производством труда в колхозах, между подъемом культурного уровня населения и увеличением урожайности колхозных полей не видит, а потому он, так и быть, согласен электрифицировать «посторонних» потребителей, только если прикажут министерство и Госплан.

Решения Главсахара в отношении реконструкции и расширения существующих заводов сохраняют полностью старую «дедовскую» организацию энергохозяйства. Пусть не обижается Главсахар на слово «дедовский». Мы употребили его, чтобы не сказать «капиталистический». Ибо с точки зрения нашего социалистического планирования нельзя рассматривать сахарный завод, как замок, отсеченный неприступными стенами от окружающих колхозов! Наоборот, сахарный завод надо рассматривать, как очаг культуры, как авангард технического прогресса в свекловодческом районе. И если бы руководители Главсахара это понимали, они должны были бы не ждать приказов.

4.

Как относится к политике, проводимой Главсахаром, и в предложениях Козлова Министерство пищевой промышленности?

С одной стороны, решения, о которых говорилось выше, напечатаны как приложение к приказу № 602 за подписью министра В. П. Зотова. Из этого можно заключить, что министерство с решениями Главсахара полностью согласилось.

Но, с другой стороны, перед нами протокол заседания Технического совета Министерства пищевой промышленности СССР от 11 июня 1947 года, где записано: «Считать предложения инженера Козлова П. Ф. об использовании сахарозаводских ТЭЦ для электрификации прилегающих районов свекловодства в принципе правильными и отвечающими интересам народного хозяйства».

Но не только это записано в решении. Технический совет министерства предлагает еще в отдельных случаях и проектировать вновь строящиеся теплосиловые предприятия сахарных заводов с расчетом на круглогодичную работу, с отключением избыточной мощности для электроснабжения районов. Кроме того, решено просить Госплан СССР рассмотреть этот вопрос в целом и, в случае положительного решения, войти в правительство с соответствующим проектом. И наконец: было признано целесообразным издать предложения тов. Козлова отдельным брошюрой.

Значит, предложения инженера Козлова технически правильны? Более того, значит Министерство пищевой промышленности в лице своего Технического совета согласно с предложениями инженера Козлова?

Со дня постановления Технического совета прошло более полутора; столько же времени прошло и с тех пор, как в защиту предложений инженера Козлова выступила газета «Труда». Но о осуществлении своих решений Технический совет не приступил, и — мало того — протокол заседания еще не утвержден министром пищевой промышленности. Между тем, за это время около полутора десятков заводов восстановлено и построено без учета предложений Козлова.

Не пора ли министру пищевой промышленности В. П. Зотову, наконец, рассмотреть протокол заседания Технического совета, вмешаться в дело и пресечь дедовскую узкодедовственную политику, производящую к тому, что сахарный завод превращается в отгороженный железными стенами замок, вместо того, чтобы стать раскатым передовой техники, поборником расцвета культуры?

В Союзе советских писателей СССР

Русская поэзия 1947 года

В течение двух дней — 29 и 30 января — в Центральном Доме литераторов происходило обсуждение русской поэзии 1947 года. Обсуждение было организовано секцией поэтов и комической по теории литературы и критики.

Собрание открыл С. Щипачев. — Уже полтора года, — сказал он, — прошло с момента опубликования исторического постановления Центрального Комитета по вопросам литературы. Мне кажется, что мы реализовали его еще слабо. Нужно вскрыть еще существующие у нас пережитки формализма и декадентства. Надо помнить, что мы работаем не на десятки эстетствующих гуриянов, а на народ, на многомиллионного читателя.

Доклад о русской поэзии прошедшего года сделал А. Тарасенков. Он начал с характеристики произведений, посвященных колхозной деревне. Наиболее высокую оценку докладчик получил поэма А. Негонова «Флар на сельсоветом». Удачной считает докладчик поэму И. Гривачева «Колхоз «Большевик», несмотря на ряд отдельных недостатков произведения. Возражения докладчика вызвали «Восна землеробов» В. Замыatina — произведение подражательное, неглубокое, отличающееся псевдонародной стилизацией деревни. А. Тарасенков не согласен с той оценкой, которую дали некоторые наши критики стихам Г. Белкина и Н. Трапезникова. Он считает, что произведения этих поэтов далеки от современной деревни.

Далее докладчик характеризует произведения, посвященные теме индустриального труда, новой сталинской пятилетки. Положительно оценивает он стихи К. Мурзина. В них действует живой, героический, который прошел через все испытания войны и вернулся к творческому труду. Отмечая достижения Н. Заболодова в поэме «Творцы дорог» и других стихах, А. Тарасенков считает, что, при всем мастерстве поэта, его стихи полны скучными торжественной манерой.

Говоря о стихах Е. Долматовского, А. Тарасенков считает более удачным его цикл «Ревенский», в котором много задушевности, глубины и подлинной правды жизни. Менее удачно поэту цикл «Созвездие». Большинство стихов этого цикла плакаты, риторики, бесцветны.

Риторика, — говорит А. Тарасенков, — ошутима и в новой поэме А. Софронова «Слово Сталина», хотя замес этой вещи заслуживает всяческой похвалы.

К числу удач минувшего года докладчик относит поэму С. Щипачева «В добрый путь».

Остановившись на третьей части «Трагедийной ночи» А. Безыменского, докладчик говорит о значительности темы поэмы. Однако он считает, что в этой вещи есть органический недостаток. Весь конфликт поэмы кажется ему несущественным, неактуальным для современного читателя.

Положительно оценку докладчика получают ряд стихотворений С. Васильева о Москве, некоторые стихи М. Максимова из сборника «Ревенский», недавно вышедшего в Омске. Яркие стихи стиховых выпусков в этом году М. Луконин — «Сердцебиение» и «Дни свидания». Но, желая освободиться от традиционной ритмики, Луконин часто переходит на прозаическую, трудную, неритмическую строку.

Знания жизни, борьбы народа, творческих профессов, которые происходят в стране, часто нехватает нашим поэтам. Отсюда скучность, голосов очень многих из них, — говорит А. Тарасенков.

В этой связи он критикует отдельные стихи Л. Ошанина, А. Гаа, С. Смолякова, К. Лисовского, В. Шефнера и других.

П. Антокольский начинает предостерегать: встречаясь с убогой радостью мотыль, олицетвения. Но надо сказать Антокольскому, что в его последних стихах

еще немало книжной пыли, внешней шелухи.

Значительным шагом вперед в творчестве С. Кирсанова, А. Тарасенков считает поэму «Небо над Родиной». Однако, по мнению докладчика, в поэме Кирсанова имеется ряд серьезных недостатков, которые свидетельствуют, что старые формалистические приемы далеко не до конца преодолены поэтом.

Не все поэты, не все редакция и издательство поняли по-настоящему значение решений Центрального Комитета партии по вопросам литературы и искусства. В этой связи серьезные возражения докладчика вызывают стихи И. Сельвинского, А. Межжирова, Г. Семенова. Резко критикует он поэму Д. Петровского «Святослав».

Высоко оценивает А. Тарасенков стихи Ю. Юсупова, Н. Тихонова. Поэту удалось передать ощущение кровного братства между народами Югославии и Советского Союза. Хорошие стихи Юсупова и Захарова опубликованы в 1947 году С. Гукенко. Новизну тех общественных отношений, которые созданы в нашей стране, утверждает С. Маршак в своей балладе «Быль-небылицы». Серьезно и хорошо работала в истекшем году М. Ахматер, интересные стихи опубликовал Я. Смеляков. А. Тарасенков положительно оценил ряд стихов М. Матусовского.

Еще скромные достижения наших поэтов, если сравнить их с достижениями прозаиков, — говорит в заключение докладчик. — В самой секции поэтов не создана еще атмосфера большевистской критики и самокритики.

После доклада развернутой оживленной прения. Горячую, взволнованную речь произнес А. Сурков.

Он говорит о прошедшем году, как о великом годе в жизни страны, значительно приближавшем нас к коммунизму.

— Вот, если с этой точки зрения поглядеть на каждого из нас и на то, что мы в 1947 году опубликовали, то получаются бедня, — говорит он. — Поэзия, которая является неотъемлемой частью истории народа, за этот год не обогатилась. Нам надо всерьез подумать о том, чтобы оправдать народное доверие.

Об отставании поэзии от жизни говорит в своем выступлении Ф. Ленин. Он критикует также поэму С. Кирсанова «Небо над Родиной». Я. Смеляков говорил о живом, неуязвимом значении творчества Маяковского для современной политической поэзии.

Свое выступление С. Васильев посвящает творчеству поэтов, работающих в областях. С. Трегуб критикует записки А. Твардовского «Родина и чужбина», пытаясь доказать, что недостатки этого произведения якобы характерны и для поэтического творчества А. Твардовского. Далее С. Трегуб останавливается на стихах Ю. Юсупова, Н. Тихонова.

Е. Долматовский подает, что А. Сурков слишком сурово оценил поэзию 1947 года. Он видит в истекшем году немало достижений. Е. Долматовский говорит о тусклости поэтической критики.

А. Софронов отметил, что интересный доклад А. Тарасенкова носил отчасти обзорный характер. Докладчик не вскрыл тенденций поэтического года, не обобщил сущности явлений.

— У нас много под лозунгом «Побольше поэтов хороших и разных», — говорит А. Софронов, — стараются обобщить не столько хороших поэтов, сколько разных. Поэт хороший — это современный, партийный поэт, поэт от плоти нашего времени. Это — основной критерий. Важно, чтобы поэт не был «разным», — отличался от народа. А в нашей поэзии еще существуют элементы такого «разного», еще есть поэты, далекие от жизни народа.

В обсуждении приняли также участие В. Игнатьев, А. Коваленко, А. Жаров, Н. Гринберг, В. Луговской, О. Ренник.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«Кто отвечает за технический прогресс в полиграфии»

на заседании президиума Центрального Комитета профсоюза работников полиграфического производства и печати

На заседании, созванном для обсуждения состояния рационализаторской работы и изобретательства в Огизе, выяснилась совершенно необычайная история. Еще в 1946 году Научно-исследовательский институт полиграфической и издательской техники Огиза закончил разработку 66 технологических инструкций, имеющих важнейшее значение для полиграфии. Но эти инструкции лежат без движения, ибо... их негде печатать.

И факт этот, пожалуй, лучше всего доподлинно печальную картину нехватки в полиграфии, нарисованную в статье В. Сытина в «Литературной газете» от 17 января.

С докладом на заседании президиума ЦК профсоюза выступил заместитель заведующего Огиза тов. С. Семенов. Он вынужден был признать, что вопросам изобретательства и рационализации в Огизе уделяется мало внимания.

Единственный в стране Научно-исследовательский институт полиграфической и издательской техники имеет жалкое существование. Он не получает никакой помощи ни от Огиза, ни от его предприятий. У института нет вспомогательных мастерских, испытательной станции. Результаты работы института не внедряются в производство.

Тов. Семенов жаловался на то, что в бюро по изобретательству Огиза всего один работник: штатная комиссия не разрешает, мол, увеличивать число работников бюро. Но тут же на заседании зам. председателя комиссии по изобретательству Центрального комитета профсоюза тов. Мельников дал справку:

— В штатное бюро по изобретательству Огиза три штатных единицы. Но за их счет невозможно содержать... малая и инженер, не имеющие никакого отношения к бюро.

О равнодушии Огиза к изобретениям и рационализаторским предложениям говорили тт. Меркулов (фабрика им. Дунаева), Семенов (13-я типография), Бисеров (1-я образцовая типография), Трошин и Райкин («Московский большевик»). Все они отмечали равнодушное отношение Огиза к новаторам.

«Захолусты»

Так назывались статья А. Ивчина в № 2 «Литературной газеты». Речь шла о том, что фабрике «Октябрь», выпускающей важные сорта бумаги, не уделяется должного внимания со стороны треста и министерства.

В связи с этой статьей редакция получила письмо управляющего союзным трестом картонного производства тов. Бывкова, который сообщает, что статья правильно отражает положение и вскрывает действительные причины неудовлетворительной работы фабрики. Для улучшения работы составлен план организационно-технических мероприятий, издан специальный приказ по министерству, предусматривающий улучшение работы предприятия.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый товарищ редактор!

Позвольте мне через посредство вашей газеты передать мою горячую благодарность всем литературным и общественным организациям, коллективам заводов и строкам, а также всем товарищам, приславшим мне поздравления в связи с датой пятидесятилетия моей жизни и тридцатилетия литературной работы.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

Геннадий ФИШ

Советская была и американские сказки

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ:

Английский биолог Джудитан Гексли, вернувшись после поездки в СССР, напечатал в английской прессе статью о том, будто бы работники Всесоюзного института растениеводства во время блокады Ленинграда сели уникальную мировую коллекцию семян.

На самом деле все было иначе. Часть научных работников ВНИР пошла добровольно на фронт (Ф. Терев, Н. Хорославов и другие), остальные и среди них Е. Пальмова, создавшая многие знаменитые сорта пшеницы, заведующий коллекцией пшеницы М. Якубинер и другие подготовили бесценные коллекции института к эвакуации в Краснотуркестан. Однако эвакуировать их не удалось, так как вокруг Ленинграда скопилось много бомб.

Работники института в условиях холодной блокады зимы принимали меры для сохранения коллекций и эвакуации людей по Ледовой дороге.

Тринадцатого января отошел с Финляндского вокзала поезд, в промешах вагонов которого находились научные работники института и члены их семей. Всего треста человек. Трое суток возились поезд на восток по Карельскому перешейку. Наконец, он остановился у Воронцовской гряды, не доходя семи километров до Ледовой дороги.

Наступили январские короткие сумерки. Надо было по снегу добираться до берега. На это ушла вся ночь. С рассвета у шалабаума Ледовой дороги стояла доктор биологических наук И. Презент в вместе с сергантином-регулятором оставалась грузовой, возмывавшейся порожняком на Ленинграде. У него на руках была магическая бумажка, которую он в предвещала каждый раз водителям:

«Начальнику Ледовой участка ВД № 14 капитану 2 ранга т. Нефедову.

Заместитель командующего войсками, начальники тыла приказали: обеспечить перевозку 16—20 января 1942 года на попутных автомашинах до станции железной дороги Войбокало научных сотрудников ВАСХНИЗ имени Ленина и членов их семей в количестве 300 человек, согласно спискам, утвержденным уполномоченным президента Академии проф. Презентом, а также груз их, в количестве трех тонн.

Начальник организационно-планового отдела Управления тыла Ленинградского фронта

майор Степанов».

Водители охотно останавливали машины и помогали забираться в кузов продрогшим, истощенным людям.

В те дни во всем городе запасов продовольствия было всего на один день! Так что самое слово «запасы» уже терало свой смысл. И это пофранцузской дороге было известно, может быть, больше, чем кому-нибудь другому. И еще они знали, что ни по каким карточкам и пропускам нельзя было получить продуктов ни на один час вперед... А тут на верхнем левом углу бумажки, которую протягивал им Презент, они видели короткую резолюцию: «Тов. Коновалов. Выдайте на три дня продуктов. 13.1. Пошлов».

Это была великая самоотверженная забота народа о своих ученых.

За день-два люди погружены были на попутные автомашины, шедшие до Войбокало. В Войбокало погружались на поезд в Ленинграде. У него на руках была магическая бумажка, которую он в предвещала каждый раз водителям:

сказки с поездом Якубинера в бесчувственном состоянии, думая, что он тоже мертв. А Презент вернулся с Ледовой дороги обратно в Ленинград, чтобы закончить эвакуацию оставшихся там служащих и научных работников академии.

Вторая и последняя партия сотрудников тем же маршрутом по Ледовой дороге отправилась в Краснотуркестан через месяц.

4. О подвигах, о доблести, о славе

Из оставшихся совсем мало. Пантелеева, картофелинщика, о которых мы уже говорили, секретарь партийной организации Георгий Николаевич Рейтер, доктор Вульф, заведующий отделом географии растений и еще человек десять — все до единого нестареющие. И только один из них, Рудольф Янович Карлов, доблестный, селой, азыский и упрямый латыш, был, что называется, «на возраст» — 1884 года рождения.

— Однажды мы ушли ночью в комнату стужу, — рассказывает он, улыбаясь и подглаживая пушистые седые усы. — Что бы там могло быть? И вот все трое — Пантелеева, Рейтер и я, распечатали двери. И ввалили — крысы, огромные, худые, с вздернутой шерстью. И злые-презлые. Вот была битва... Яничкин с зерном была из металла и только на одной из шести боковых, у некоторых из них, чтобы зерно даша, была проделана круглая дырочка, закрытая металлической сеткой. Так вот, крысы влезали около этих решеток в каждую из почти прогнанных медных сетки. Они сканили зубы и не уходили. Мы били их железной кошкой. Комнаты коллекций стали полны битым. Потом, выгнав крыс из комнаты, мы трудился весь день, составляя металлические коробки вплотную, сеточка с сеточкой, чтобы закрыть одной коробкой отверстие другой. Но на другой день борьба возобновилась. Жестяные ящики, у которых не было сеток, мы оставили там, где они стояли, — на стеллажах. И вот, что его зовут какин чутень, какой дождик, крысы перешли на людей. Они забиралась на самую верхнюю полку стеллажа, почти под потолок и сбрасывали оттуда коробки. Ова падала на пол, и от толчка крышка слетала с нее и

зерно высыпалось. Мы сразу же кинулись собирать разбросанное зерно. Хорошо, что были сброшены только две коробки в разных концах, и поэтому зерно не перемешалось. Крысы вырывали его у нас буквально из рук. Опять началось сражение. Со всего района пришли они сюда. Как они утаили, как перелезли друг друга, что здесь краются коллекция зерна? Мы сняли все коробки со стеллажей, чтобы их нельзя было сбросить, приложили платки одну к другой, а сверху накрыли камнями. Их было несколько десятков тысяч — металлических ящиков, таких колхозных, что нельзя было коснуться рукой. Даже теперь это не легко сделать, а в те дни, когда от каждого резкого движения кружилась голова, сделав несколько шагов, приходилось останавливаться, чтобы бы от слабости не упасть, это была очень тяжелая работа. Когда я сейчас вспоминаю о ней, у меня выступают пот на лбу. И все же мы ловили ее до конца.

В эти дни дошла весть о том, что научный сотрудник института Коккин, ушедший добровольцем в армию, погиб, защищая Ленинград. Но в в городе на каждом шагу грозила опасность. Доктор Вульф шел из института домой с двенадцатилетним сыном. Во время немцы стали обстреливать город. Снаряд разорвался на Сенной площади, и осколок поразил Вульфа на смерть. Доктор биологических наук Шуклин, специалист по масличным растениям, все время отлучавшийся, как лучший боец пожарной команды, умер от голода у себя в кабинете. В соседней комнате стояли ящики коллекционных, вкусного и питательного арахиса, ящики с семенами масличных растений. Ни один из них не был даже открыт...

Е. Ф. Капустина — внучка Менделеева и племянница изобретателя радио Николы, работавшая в ВНИР с 1919 года, умерла от дистрофии.

Наступила первая блокадная весна. В Краснотуркестане, на новом месте, уже начал работать институт. В разрыленную землю дождиком яровое зерно. А здесь, в Ленинграде, зерно само, зарпаванное в металлические ящики. Они еще год, дру-

гой, третий сможет вынести эту спячку, оставаясь живым.

Другое дело картофель! Он начал выпускать бледные, живые ростки. Их не оставили! А поля института в Пушкине разворочены тракторами и в траншеях фашистские крысы — асыновцы. Именно отсюда, с Пушкинского шоссе, летят ружейные в городе снаряды. А в стиснутом блокаде Ленинграда нет ни клочка свободной земли. Все скверы использованы под огороды.

Воскресенская и Лехнович выхлестали местечко для поиска картофеля за городом, в Лесном, близ Политехнического института. Участок находился в десяти километрах от ВНИР. Трамвая, обычно связывавшие город с Лесным, теперь не ходили; последняя институтская машина уже с марта была взята для нужд фронта. И в Лесной пришлось добывать пешком, вез на тележке семенной коллекционный картофель.

Картофельные помогал дворничихи Фрося Голенищева, Анна Андреева, рабочий Иван Александр Иванович и уборщица Романова. Провожавшие жадными взглядами редких прохожих, проносили они несколько сот образцов сортов картофеля на тележках через голодающий город к Лесному.

Отвешенный участок находился в зоне артиллерийского огня. И бывало так, что над полем разрывалась снаряд. Осколки сбивали маленькие дощечки с обозначением сортов на делянках, и их приходилось снова размечать по протоколам. Но, к счастью, никто ни при посадке, ни позже при копке не пострадал.

К этому времени умерли от голода дворничихи института, муж и жена Михайловы, специалист по табакам доктор Эгиз, заведующий библиотекой Гейли, кандидат наук специалист по рису Дмитрий Сергеевич Иванов, ученый специалист по лекарственным растениям Г. К. Крейнер, метеоролог Молдобаев.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: А. БАУЛИН, В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

В — 0113